

УДК 821.161.1 Русская литература
DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-115-124

Снычева Е.А.

Московский государственный областной университет

СБОРНИК П.С.СОЛОВЬЁВОЙ «ИНЕЙ» (1905) КАК ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Аннотация. Поликсена Сергеевна Соловьёва - поэтесса символистской школы. Первый её поэтический сборник «Стихотворения» был издан в 1899 году, вторая книга стихов под названием «Иней» вышла в 1905 году. «Снежный иней» – один из традиционных символов литературы Серебряного века.

Обращаясь к теме природы, поэтесса использует целый ряд значимых символов. В их числе – такой символ надежды, как цветущая вишня – «иней весеннего обновления». Все художественные средства, встречающиеся в сборнике, - кольцевая композиция, антитеза, аллитерации - служат для выражения поэтического кредо П.С.Соловьёвой.

В статье рассматривается также вошедшая в сборник «Иней» пьеса в стихах «Слепой». Это романтическая история с приключениями «колдуньи», с упоминанием магических сил природы. Образный строй соотнесён с древнегреческой мифологией, христианское начало переплетено с мистицизмом. Христианские идеалы П.С. Соловьёвой – «любовь и вечная жизнь» – раскрыты в образе Ореады, олицетворяющем силу и энергию мира, устремлённость от языческих корней к будущей Святой Руси.

Ключевые слова: символ, снежный иней, туман, холод, сны, тоска, эпитет, аллитерация, антитеза, кольцевая композиция.

E. Snycheva

Moscow State Regional University

P. SOLOVIEVA'S COLLECTION «HOARFROST» (1905) AS A REFLECTION OF PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC PURSUIT OF THE RUSSIAN SYMBOLISM OF THE SILVER AGE

Abstract. Polixena Sergeyevna Solovieva is the poetess of symbolist school. Her first poetic collection «Poems» was published in 1899, the second book of verses under the name «Hoarfrost» appeared in 1905. «Snow hoarfrost» is one of traditional symbols of literature of the Silver age. Referring to the theme of nature, the poetess uses a number of significant symbols. Among them there is such a symbol of hope as the blossoming cherry – «rime of spring renewal». All artistic means which are found in the collection: ring composition, antithesis, alliterations, serve to express the poetic credo of P. Solovieva. The article also deals with the play “Blind” which is included in the collection «Hoarfrost”. It is a romantic story with adventures of a «witch», with mentioning of magic forces of nature. The figurative system is correlated with Ancient Greek

mythology, the Christian beginning is bound with mysticism. Christian ideals of P. Solovieva are «love and eternal life». They are revealed in the image of Oread representing force and energy of the world, the aspiration from pagan roots to future Sacred Russia.

Keywords: symbol, snow hoarfrost, fog, cold, dreams, melancholy, epithet, alliteration, antithesis, ring composition.

Русская поэтесса Поликсена Сергеевна Соловьёва (1867-1924), известная в начале XX века под псевдонимом Allegro, происходила из семьи философов и литераторов. Её отцом был историк Сергей Михайлович Соловьёв, а по материнской линии в роду числился украинский философ Сковорода. Старшие братья Поликсены – христианский мыслитель, поэт Владимир Сергеевич Соловьёв и автор исторических романов Всеволод Сергеевич Соловьёв. Как известно, своими трудами Владимир Соловьёв (1853-1900) оказал значительное влияние на религиозную философию Н.А. Бердяева и П.А. Флоренского, на творчество младосимволистов Андрея Белого и Александра Блока, а также других представителей литературы и культуры Серебряного века.

Поликсена Соловьёва не стала исключением: на её творчестве сказались и философская школа, и литературные изыскания близких ей людей. В самом начале её творческого пути она была воспринята как поэтесса символистской школы. При этом нужно заметить: многие, скорее всего, понимали, что Поликсена – как и её брат, беллетрист Всеволод Соловьёв, – изначально обречены находиться в тени своего знаменитого отца и гениального брата Владимира.

Важный этап её творчества начался с момента издания первого поэтического сборника «Стихотворения» (1899). С 1898-го до 1903-го года П.С.

Соловьёва посещала литературный кружок «Пятница», собиравшийся два раза в месяц по пятницам на квартире поэта Константина Случевского. Там же она познакомилась и неоднократно встречалась с Валерием Брюсовым. После смерти К. Случевского в 1904 году «пятницы» были переименованы в «вечера Случевского», которые продолжались вплоть до революционных событий 1917 года. Поликсена Соловьёва была, можно сказать, старожилом и завсегдатаем этих «вечеров». Среди их участников следует упомянуть К.Д. Бальмонта, Ф.К. Сологуба, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус.

Новой творческой вехой для П.С. Соловьёвой стало издание второй книги стихов под названием «Иней» (1905). Сборник был посвящён писательнице Наталье Ивановне Манасеиной, подруге и соратнице Соловьёвой, с которой они в конце 1905 года организовали издательство «Тропинка».

Заметим, что снежный иней – один из традиционных символов литературы Серебряного века. Так, например, поэт-символист Эрл Мартов (1871-1910) писал:

*Сердца луч из серебра волнений
Над простором инея встаёт...¹*

«Серебро волнений» и «простор инея» у П. Соловьёвой обретают смысловую и образную глубину.

В весьма характерном для сборника «Иней» стихотворении «Петербург»

¹ Русские символисты. М.: В.А. Маслов, 1895. Вып. 3. 53 с.

(1901) звучат уже знакомые по первой книге П.С. Соловьевой темы: туман, холод, сны, тоска.

*Город туманов и снов
Встаёт предо мною
С громадой неясною
Тяжких домов,
С цепью дворцов,
Отражённых холодной Невою.
Жизнь торопливо бредёт
Здесь к цели незримой...
Я узнаю тебя с прежней тоской,
Город больной,
Неласковый город любимый!
Ты меня мучишь, как сон,
Вопросом несмелым...
Ночь, но мерцает зарёй небосклон...
Ты весь побеждён
Сумраком белым [8,с.53].*

Заданной этим стихотворением поэтике подчинены многие произведения книги. «Мой тоскующий взор...», – говорит героиня стихотворения «Незаметно в окно заглянула луна...» [8, с. 97]. И в этом взоре отражаются и город – «больной», и сумрак «белый». В стихотворении «К ночи» читаем: «Вечер сумрачен и страшен... Ужас... ночной» [8, с. 87-88]. Многие эпитеты вполне соответствуют «тоскующему взору»: «бледноликие метели» («Снежным облаком летели...») [8, с. 103], бледный узор на тёмном полу («Незаметно в окно заглянула луна...») [8, с.97].

Эпитеты, передающие безрадостное настроение героини, – одно из главных средств художественной выразительности стихотворений «Инея». Так, например, в стихотворении «В сумерках» мы видим такие словосочетания, как «бледные тучи», «усталый мой взор», «непроглядная ночь», «больной голове» [8, с. 21]. Пожалуй, слово «ту-

манная» (тишина) – самое нейтральное в этом ряду.

И уже в следующем стихотворении автор как бы подводит итог своим предыдущим наблюдениям: «Счастья нет, есть только отраженье...// Отраженье звёзд на дремлющей волне» («Счастья нет...») [8,с.25]. Мир, в восприятии Поликсены Соловьёвой, неизлечимо болен. Чуть дальше, в стихотворении «Молчат в ответ заре прощальной...», появляется уже знакомый мотив тоски: «унылая дорога», «опустошённые луга» [8,с.43]. И далее «утрюмый сад», «унылый и неприветный час», «больная тревога» («В окно глядится сумрак предрасветный...») [8,с.49]. В стихотворении «Вечерняя заря» день «унылый и туманный» [8,с.61].

В таком, весьма мрачном, мире хорошо себя чувствуют только тени. В стихотворении «Из Виктора Гюго» появляется тень Данте и рассказывает о своих метаморфозах: она, тень, была вначале высокой горой, потом – мощным дубом, затем – могучим львом, и вот она – человек: «и Данте имя мне» [8, с. 27]. Отметим, что среди персонажей сборника «Иней» возникает немало теней и привидений. «Привиденья утонувших кораблей» мы находим в стихотворении «В мёртвый час душевной лени» [8, с. 91]; «ночь привидений полна» («Ветер коснулся кустов обнажённых...») [8, с. 31]; «рой зеленых теней» («Там далеко, в синем море...») [8, с.108].

Мрачным преддверием гибельной поры становится осень в одноимённом стихотворении. Осень П.С. Соловьёвой – огненное видение смертного сна, и это уже уровень пророчества, одно из оснований эстетики символизма. Перед приходом «властной ночи» все

«смерти злой покорны», а «зори прячут золото...» [8, с. 67]. России предстоит нести свой крест – тот, о котором напоминают нам в стихах Соловьёвой то крестообразные деревья, то тени. Предчувствием страшных перемен и возможной гибели проникнуто стихотворение «Вчера так ярко месяц ноябрь...», с его яркой и точной деталью:

*От рамы тень на лунном поле
Крестом лежит передо мной...* [8, с. 73].

Крест мы видим и в некоторых других стихотворениях, и в завершающей книгу пьесе «Слепой». Но, возможно, после больших смертоносных бурь мир обновится – эта мысль, выраженная в знаковых, символических образах, звучит в ряде стихотворений сборника «Иней».

*Мы пели солнцу в былые годы
Теперь поём мы во славу бури,
Венки сплетаем во славу тьмы...* [8, с. 81]

Венки «во славу тьмы» плетутся автором потому, что «за бурей ярче восторг лазури...», потому, что все должно измениться после очистительного вселенского катаклизма. Остается лишь немного подождать – и «за солнцеворотом // Жд`т воскресенье на земле» («Ещё вчера весь день под окнами в канале...») [8, с. 83]. Солнцеворот – древнеславянское название зимнего и летнего солнцестояний, и одновременно это символ мощной творческой, творящей энергии. Солнцеворот позволял древним волхвам управлять стихиями. Это знак позитивных перемен, поэтому далее в сборнике «Иней» появляется «ангел белый»: «На белом камне ангел белый // Сидел в сиянии зари...» [8, с. 93].

Постепенно символов надежды встречается в сборнике всё больше.

И среди них – «иней» весеннего обновления – цветущая вишня. Для стихотворения «Вишни в цвету, словно в инее...» [8, с. 99] характерна отточенность дактиля, который ритмически придаёт убедительности победной поступи Весны. Природа играет в творчестве П.С. Соловьёвой особенную роль: именно природа утихомиривает человеческую злобу, гасит гнев («Я пришёл не за тем, чтоб тебя упрекать») [8, с. 85].

Вот «ветер коснулся кустов обнажённых...», и появляется «шелест снежинок в злой тишине» [8, с. 31]. Аллитерация, передающая тихий шелест снегопада в описании зимы, встречается у П. С.Соловьёвой неоднократно. В «Бессоннице» с помощью аллитерации, ассонанса, олицетворения автор воссоздаёт музыку ночи. Это произведение – своеобразный орфоэпический гимн, посвященный ночным звукам: стучит сердце, звонит колокол, бьют часы, и даже мысли звучат: они «зыблятся тихо, как тронутый ветром камыш» [8, с. 75].

Стихотворение «В склепе» [8, с. 35] построено на антитезе: мёртвый склеп и живые цветы. Они словно находятся на разных чашах весов, и цветы пока ещё побеждают: ведь они свежие, и их только что принесли. Но это явно ненадолго, потому что они так недолговечны... И даже колокольчик – и тот, пусть и «таинственно», но стонет у П.С. Соловьёвой («Колокольчик») [8, с. 45]; а одуванчики в одноимённом стихотворении [8, с. 55] символизируют быстротечность жизни. Это миссия цветов, которые предназначены лишь для того, чтобы, как сказал Сергей Есенин, «процвести и умереть»¹.

¹ Есенин С.А. /Составитель Е.А. Есенина.

В ряде своих поэтических произведений, включенных в сборник «Иней», П.С. Соловьёва использует кольцевую композицию: так, например, стихотворение «Зимнею дорогой» словно «окольцовано» «дыханием усталых коней» [8, с. 47]. Это помогает создать ощущение размеренного ритма движения в пространстве – полусонного полёта по зиме под вечными звёздами.

Очень важное значение придаётся образу луны: она чертит узоры-знаки, которые нужно прочесть. Пытаясь это сделать, лирический герой (в стихотворении «Незаметно в окно заглянула луна...» [8, с. 97]) подпадает под власть луны, под воздействие её магии. Вообще, магическая составляющая чрезвычайно характерна для поэтики сборника. Например, в стихотворении «Помнишь, мы над тихой рекою...», которое можно назвать балладой о дружбе и любви, герои идут рука об руку, изменяя мир вокруг, а другие люди обитают за пределами магической общности их душ:

*Люди шли, рождались, умирали,
Их пути нам были далеки...*

«Непонятная чета» героев стремится вдаль, «к закату»:

*Я – с моею огненной тоскою,
Ты – с своею белою мечтой* [8, с. 100].

Последние строчки закольцовывают композицию, это излюбленный приём П.С. Соловьёвой.

В стихотворении «У замёрзшего окна» некими эсхатологическими знаками становятся «ангелов движенья»:

*Сквозь жемчужные сплетенья
В серебристо-синей мгле,
Видишь, ангелов движенья
Вдруг застыли на стекле* [8, с. 101].

«Не жалею, не зову, не плачу...». М.: «Советская Россия», 1966. 218 с.

Эти знаки – «небывалое сочетанье» земли и небес. Тот же эсхатологический символ соединения земного и небесного видим в стихотворении «Снег». Белизна снега – «бездонна» [8, с. 102]. Торжествующая и немая бездонность у Соловьёвой кажется близкой «пылающей бездне» Тютчева, который писал: «И мы плывём, пылающею бездной // Со всех сторон окружены...»¹

В стихотворении «Море любит землю, вечно негодуя...» две стихии – земля и вода (море) – никак не могут объединиться в полной мере, поскольку они очень разные, как и люди:

Мы живём и дышим жизнью не одною:

Ты понять не можешь, я – сказать не в силах... [8, с. 107]

Сквозь туманы и ненастья ряда стихов: «В тумане» [8, с. 111]; «Сегодня мы в тумане шли...» [8, с. 112]; «Дома» [8, с. 114] – пробивается одинокий бледный огонёк зари («В час ночи поздний и ненастный...» [8, с. 113]).

В стихотворении «Мутнеют огни фонарей...» П.С. Соловьёва возвращается к зимней теме. «Снежная пляска» Зимы разгоняет кровь, бодрит лирического героя, который рад «морозной ласке»:

*Снежинки в лицо мне снуют,
Целуя прохладно...* [8, с. 116]

Несмотря на то что ревнивый «ветер идти не даёт» к возлюбленной, герой стоит и спокойно слушает зимнюю сказку вьюги. Он заворожён её магией.

В стихотворении «В зимнюю ночь» важна вроде бы неприметная, на первый взгляд, деталь: вокруг месяца «мутно белеет кольцо» [8, с. 117]. Как

¹ Тютчев Ф.И. Стихотворения. Серия «Заветная лира». «Как океан объемлет шар земной...». М.: Эллис Лак 2000, 2003. 51с.

известно, графический символ Луны – горизонтально лежащий серп, месяц, символизирующие лодку или колыбель. У П.С. Соловьёвой эта «лодка» (или «колыбель») расположена вертикально и находится в круге. А круг – это символ единства и бесконечности, знак абсолюта и совершенства. «Кольцо» вокруг месяца – это ещё и символ супружеских уз Земли и Неба.

Отметим здесь и наличие кольцевой композиции, «ударных» эпитетов и группы однородных членов предложения:

*А месяц нам в бледные лица глядит
Холодный, печальный, далёкий .*

.....

*Везде голубая хрустальная мгла,
Вблизи, и вдали, и над нами... [8,
с.117].*

Все вышеупомянутые знаки и символы можно встретить в произведениях многих современников П.С. Соловьёвой – например, у Зинаиды Гиппиус. Так, в 1905 году Гиппиус пишет стихотворение «Брачное кольцо», которое заканчивается строкой: «Мне лёгок крест, как брачное кольцо» [1, с. 84]. А в 1909 году появляется её стихотворение «Петербург», которое перекликается с «Петербургом» П.С. Соловьёвой. Только Гиппиус говорит более жёстко и прямо, пророчествуя смерть «шершавопыльному» городу:

*Нет! Ты утонешь в тине чёрной,
Проклятый город, Божий враг!
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк!*

[1, с. 84].

Белый цвет – символ благодати Божией, знак «просияния Его огнём». У З.Н. Гиппиус вестник-ангел (Светлоликий) даёт героине белый цветок (в стихотворении «Благая весть») как

подтверждение «Любови Господней» [1, с. 86]. Но в стихотворении «Миндальный цветок» (1911) «розово-белый <...> горький» цветок, как и тёмный цветок в пьесе П.С. Соловьёвой «Слепой», приносит надежду и смерть одновременно:

*О тёплый, о розово-белый,
О горький миндальный цветок!
Зачем ты мой дух онемелый
Проклятой надеждой ожёг?*

*...Качаясь, огни побежали,
Качаясь, свиваясь в клубок...*

*О кали, цианистый кали,
О белый, проклятый цветок!*

[2, с. 140].

У З.Н. Гиппиус, как и у П.С. Соловьёвой, белый искрящийся снег и кольцо – символы Божественного преобразования и перевоплощения. В 1905 году Гиппиус пишет в стихотворении «Если»:

*Если ты не любишь снег,
Если в снеге нет огня, –
Ты не любишь и меня,
Если ты не любишь снег.*

*Если ты не то, что я, –
Не увидим мы Лицо,
Не сомкнет Он нас в кольцо,
Если ты не то, что я... [1, с. 102].*

Но кольцом могут завладеть и темные силы. Так, в стихотворении З.Н. Гиппиус «В черту» появляется некто Тёмный и рисует вокруг героя кольцо, уверяя его: это «твой же грех обвил тебя кольцом». Тёмный смеется над ним и советует:

*«Разорви кольцо, не будь так жалок!
Разорви и вытяни в черту» [2,
с. 114].*

Если герой не разорвёт кольцо греха, то Тёмный вернётся... В этой исто-

рии лирический герой не способен к подвигу, но в других произведениях он более смел и решителен. Например, в посвящённом Соловьёвой стихотворении «Весенний ветер» Гиппиус говорит о ветре, который «весельем белым окрылён»: «Он вестник смены, сын Времени» [2, с. 124].

Философский смысл этого образа можно истолковать так: приближается ветер больших перемен, и в его «разрезающе острой» и «неистой ласке» «оседает онемелый, // Усталый, талый, старый лёд...». То есть великие преобразования произойдут, когда лёд растопится в «бездумной игре» весеннего ветра.

В сборнике П.С. Соловьёвой природные образы тоже приобретают глубокое символическое значение. В стихотворении «Надо мной пылали звёзды...» вновь появляется что-то тютчевское: «вечная бездна», «тайна звездная»... [8, с. 122]. Для поэтессы весь мир природы одушевлён. Так, например, в стихотворении «Дождь» небеса плачут, листья устали, «вечер задумчив и полон печали», капли дождя «крадутся» [8, с. 119]. А в следующем – в «Мотыльке» – «плачет свеча» и «дышит и крадётся мгла» [8, с. 120].

Заключительным аккордом сборника П.С. Соловьёвой «Иней» стала пьеса в стихах «Слепой», написанная в 1900 году. Это произведение о жертвенной любви: ради выздоровления возлюбленного молодая женщина готова отдать собственную жизнь. Перед нами романтическая история, с приключениями, «колдуньей», с упоминанием мистических сил природы.

Имя героини – Ореада – этимологически близко древней мифологии: ему созвучны наяды – нимфы рек и озёр,

дриады – покровительницы деревьев. Таким образом автор подчёркивает близость героини к живой природе. И одновременно напоминает нам о мифе про дочь критского царя Ариадну, спасительницу Тесея, убившего в лабиринте чудовище Минотавра. В пьесе П.С. Соловьёвой цветок, вылечивший художника от слепоты, можно воспринимать и как своеобразную нить Ариадны, которая вывела Тесея из мрака лабиринта.

Героиня произведения Соловьёвой надеется на то, что, излечившись «внешне», её возлюбленный, художник Альдор, прозреет и «внутренне», убьёт в себе Минотавра и станет настоящим героем. Но при этом Ореада понимает, что ей самой «в жизни места нет». И Ореаде, и Ариадне – обеим «в жизни места нет». Ореада умирает от яда, которым пропитаны корни волшебного цветка. Древнегреческую Ариадну, по одному из преданий, убила богиня Артемида – за брак с Тесеем. У П.С. Соловьёвой стрелам Артемиды подобны ядовитые корни колдовского цветка – символа несчастной любви.

Образный строй произведения П.С. Соловьёвой «Слепой» можно соотнести не только с древнегреческой мифологией. Любовь и смерть – основные мотивы символистской живописи, именно их должен был отображать на своих полотнах художник Альдор, пока был зрячим. А он писал прекрасные лики святых, беря в натурщицы простых женщин (Ореаду). Не потому ли он ослеп? Можно считать, что и Ореада оказывается жертвой – совершённый ею поступок делает её мученицей. Но христианское начало в творчестве П.С. Соловьёвой нередко переплетается с мистицизмом, что

в полной мере соответствует эстетике символизма. Например, цветок Ореады – мистический символ. Он напугал героиню своим видом:

*Как лапы паука, из щели выползает
Бесчисленных корней запутанная
сеть... [8, с. 153].*

Поэтому поначалу она раздумала его срывать. Но перед ней вдруг возникли тени – «невоплощённые и мёртвые» «мечты и сны Альдора», глядящие на неё «с упрёком и мольбою» [8, с. 154]. И Ореада с восклицанием: «Возьмите жизнь мою!» срывает цветок. Получается, что она отдаёт свою жизнь искусству Альдора, его «невоплощённым» творческим замыслам.

Обратим внимание на упоминание «одиноким пути» Альдора, который не просто физически слеп, но, прежде всего, слеп ко всему миру и слишком погружён в собственную беду. В этом отношении он слеп постольку, поскольку болен нарциссизмом, ведь для него важно, чтобы люди перед его иконописными полотнами устлали пол цветами, и чтобы «со вздохами молитв сливался фимиам...» [8, с. 136]. Пастуху он рассказывает, что для него значит искусство:

И холод творчества узнать, и упиваться

Тем, что детей земли равняет с Божеством,

Заставить тьмы людей дрожать и улыбаться

И плакать на земле о свете неземном [8, с. 133].

Мечтая уподобиться Богу, ослепший художник странствует с помощью Ореады пять лет, но при этом не верит в искренность героини и говорит ей:

*Спасенье! Мне опять твердишь ты
о спасенье,*

И равнодушие в словах твоих звучит... [8, с. 132]

Альдор не верит и в её любовь:

Когда б она теперь по-прежнему любила, –

Она б не вынесла всю скорбь моей души... [8, с. 139].

Он считает, что его вселенская скорбь по самому себе должна убить того, кто его любит. При этом у самого Альдора нет сил «ни верить, ни мечтать, ни плакать, ни любить...» [8, с. 138]. Не случайно он признаётся в разговоре с Пастухом: «Во тьме души моей нет места для любви» [8, с. 139]. В его душе остались только скорбь и гордыня.

Но смерть Ореады – это не разрыв сердца от сопереживания и не одно только самопожертвование ради любви. Нельзя сказать также, что это принесение жертвы на алтарь чистого искусства или тем более покорность раба из пушкинского «Анчара» [5, с. 432-433]. Выполнив свою нелёгкую миссию, проведя слепца через горы к месту прозрения, к громам и молниям, Ореада заключает, что ей «в жизни места нет», то есть в той жизни, где «мёртвые» мечты. И говорит она так не только потому, что Альдор её не любит, и не потому, что её преследует рок или гнев античных богов. Героиня ощущает своё существование обесцененным – по сравнению с искусством художника Альдора, который со своими невоплощёнными снами, с его «холодом творчества» в любом случае идёт по «одиноким пути». И, как всякий «слепой», однажды свалится в яму или зайдёт в тупик. Поэтому осознанная жертва Ореады ещё и протест против такого, воплощённого в образе Альдора мира искусства.

И обнаруженное во время грозового ливня уродливое «тёмное» растение без стебля (цветок расположен на ядовитых корнях), напоминающее одновременно и паука, и головоногого спрута из подводного мрака, – это тоже символ несовершенства мира и индивидуалистического, «тёмного» подхода к искусству, в котором преклоняются только перед признанными гениями – самовлюбленными мэтрами. Скорее всего, Альдор не способен убить в себе Минотавра индивидуализма, и умирающая Ореада в полубреду, с закрытыми глазами, говорит ему:

*Смотри, – обвили шею
Мне корни красного цветка
Во тьме последней ночи...
Альдор, о, пусть твоя рука
И мне раскроет очи!..* [8, с. 160].

Неслучайно автор делает здесь такой смысловой акцент: не закроет, а именно «раскроет очи». В этот момент восходит солнце, и мужественная Ореада «уходит к престолу Бога», устремляясь ввысь. И особым, эсхатологическим смыслом наполняются её слова:

*Заря мне смерть несёт! Смерть,
как заря, прекрасна...* [8, с. 158].

В этот момент продолжение индивидуального существования тоскующего Альдора ни Соловьёву, ни её героиню не интересует. Смерть Ореады сравнивается с зарёй, то есть речь идёт о перерождении. Происходит отрыв от «земной пыли» и пантеистическое слияние с Богом – в божественном огне. Одновременно это та самая «метаморфоза любви», о которой говорил Вячеслав Иванов в статье «Поликсена Соловьёва (Allegro) в песне и думе», опубликованной в той же книге, что и «Автобиографическая Заметка» П.С. Соловьёвой

¹. В своей статье В.И. Иванов писал: «Если читатель, развёртывая лирические свитки Поликсены Соловьёвой, будет вопрошать у них: – 'какую весть несете вы миру или таите от мира?' – ему послышится в ответ многократный и настойчивый шёпот: 'весть о любви небывалой, – о любви, побеждающей смерть.' (...) Совершенному возрасту человечества будет отвечать чудесная метаморфоза любви».²

С символистской точки зрения, христианские идеалы П.С. Соловьёвой – «любовь и вечная жизнь» – преломляются в образе Ореады, передающем устремлённость от языческих корней к будущей Святой Руси. В данном произведении героиня предстаёт перед читателем некоей языческой богиней, олицетворяющей внутреннюю силу мира, её энергию. О миссии Ореады в пьесе догадывается провидица с «водным» (озёрным) именем Изера, изучившая «влиянье звёзд и трав», живущая в хижине под каменным «тёмным крестом», вытесанным «не человеческой рукой». Изера говорит Ореаде:

*Я за тобой давно, дитя, следила...
Ты по горам ко мне, как облачко,
скользила...* [8, с. 147].

Христианская любовь и мистический опыт Ореады, отрекающейся от самоутверждения, имеет теургический характер. Поэтому младосимволисты после выхода в свет сборника «Иней» признали в П.С. Соловьёвой свою сестрицу, – не только кровную, но и духовную сестру её знаменитого брата, философа Владимира Соловьёва.

¹ Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николыкина. М.: Республика, 2004. 543 с.

² Там же.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гиппиус З. Живые лица. Стихи, дневники. Тбилиси: Мерани, 1991. 340с.
2. Гиппиус З.Н. Стихотворения; Живые лица/ Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. Н. Богомолова. М.: Художлит., 1991. 471с.(Забытая книга).
3. Есенин С.А. /Составитель Е.А. Есенина. М.: «Советская Россия», 1966. 800 с.
4. Иванов В.И. Поликсена Соловьёва (Allegro) в песне и думе / В.И. Иванов // Русская литература XX века (1890 – 1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова: В 2 кн. М.: Издат. дом «XXI век – Согласие», 2000. –н. 2.471с.
5. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. Т. 1. М.:Художественная литература, 1985. 736 с.
6. Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 543 с.
7. Русские символисты. М.: В.А. Маслов, 1895. Вып. 3. 53 с.
8. Соловьёва П.С. Иней : Рис. и стихи / П. Соловьёва (Allegro). Санкт-Петербург : т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 159, [4] с. : ил.; 2017.
9. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Серия «Заветная лира». М. : Эллис Лак , 2000. 384 с.